

С. А. РЕЙСЕР

РОДОСЛОВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ

(К 150-летию со дня рождения Н. А. Добролюбова)

Многочисленные работы по русской генеалогии почти целиком посвящены дворянству. Они имели значение не только в утверждении знатности и приоритета, но и в чисто практическом плане в области права, претензии на власть, должность и т. д.

Традиционная дворянская родословная устремлена в глубь веков, и чем дальше, тем лучше. Сплошь и рядом она насчитывает 20 и более поколений, а порою восходит к истокам русской государственности.¹ Чем ближе к новому времени, тем больше разветвляется эта родословная и поневоле становится избирательной.

Другая важная примета дворянской генеалогии состоит в том, что отсутствует исходная документация. Начальный этап, как правило, заменялся ритуальной формулой — «по преданию». Департамент герольдии Сената условно принимал некую (более или менее вероятную и правдоподобную) точку отсчета. Порою (за взятки или по протекции) родословную делали гораздо более древней, чем она была в действительности.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец активному развитию этой вспомогательной исторической дисциплины: отдельные исследования касались только выдающихся деятелей нашей культуры. Но в последние годы постепенно возникли совершенно новые аспекты этой проблемы (особенно в работах М. Е. Бычковой, В. Л. Янина и др.).

Мещане, разночинцы и купцы родословных (и, конечно, гербов), тем более зафиксированных где-либо официально, не имели. Некоторое исключение для купцов составляли гильдейские документы — они имели значение в вопросах платежеспособности, при причислении к той или иной категории. Могли быть купцы,

¹ Власьев Г. А. Потомство Рюрика. 1306—1907. СПб., 1906—1907.

помнившие своих предков на протяжении трех, иногда четырех поколений. Их доморощенные портреты порой вывешивались в зале или в гостиной владельца. (Вспомним некоторые постановки А. Н. Островского в МХАТ или в Малом театре). Конечно, купеческие роды вроде Демидовых или Строгановых стоят особняком — речь идет только о купеческой массе.

Исключительно богата самыми разнообразными родословными справками почти о 30 «купеческих династиях» (как их назвал П. Д. Боборыкин) книга крупнейшего дореволюционного московского коммерсанта П. А. Бурышкина.² Оказавшись в эмиграции, он собрал и опубликовал немало ценного материала. Любопытно, однако, что почти все генеалогии не простираются в глубь времен больше чем на три или четыре поколения — память о предках была очень непрочной.

Существует печатное родословие Кольцовых: в нем начиная с XVII в. показано восемь колен. В данном случае очевидное исключение сделано ради имени поэта.³ Вообще же интереса к прошлому словесие прасолов не проявляло: оно его никак не украшало, и гордиться было нечем.

Рабочий класс никогда не имел своей развитой родословной. В памяти оставались родители да деды. Ни для занятия той или другой должности, ни для продвижения по службе, ни для оформления имущественных или иных житейских дел надобности в родословной не ощущалось. Ни создавать, ни хранить ее было некому и незачем.⁴

После Великой Октябрьской социалистической революции положение изменилось. Теперь мы узнаем о посетителях потомственной профессии металлургов, шахтеров, слесарей и пр. Возникло такое понятие, как «рабочая династия». В нее, как правило, входят рабочий, ныне работающий на данном заводе, его отец, порою дед, иногда добавляется еще кто-либо из подрастающего поколения — будущий рабочий, продолжатель дела своих предков. Таким образом, охватывается период приблизительно в 75 лет (считая по 25 лет на поколение). Эти три (четыре) поколения традиционно связаны со ставшим родным предприятием. Пролетариат создавался из крестьян. Чаще всего дед приходил на фабрику из деревни. Это было обычно после 1864 г. (дата освобождения крестьян плюс три «временно-обязанных» года), когда уход стал возможным и свободным, а спрос на рабочие руки значительно возрос.

Рабочая семья большей частью была единой и крепкой. Развод и образование новой семьи — явление редкое. Внебрачные

² *Бурышкин П. А.* Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954.

³ *Змеев Л. Ф.* Родословная Кольцовых. — В кн.: Сб. Отд-ния рус. яз. и словесн. имп. Академии наук. СПб., 1853, т. 55, с. XIV.

⁴ Библиография этой темы довольно значительна, и приводить ее здесь из-за недостатка места не представляется возможным.

(«незаконные» в юридической терминологии старого времени) дети тоже встречались печасто. Эти два обстоятельства существенно упрощают родословные разведки в области рабочей генеалогии.

Родословие русского духовенства имеет свои характерные особенности. Прежде всего надо отметить наследственность профессии. Дочь умершего священника выходила замуж за окончившего курс духовной семинарии кандидата, дожидавшегося своей очереди (иногда это был неженатый дьякон), и за ним закреплялось место покойного. Михаил Алексеевич Костров именно таким образом женился на старшей дочери Александра Ивановича Добролюбова — Антонине. Отсюда происходит и другая черта — значительная устойчивость места жительства или перемещение в пределах небольшого региона: род священника прочно был привязан к данной губернии. Непристроенным пока кандидатам на пост священника не было надобности в дальних поисках осиротевших невест. Наследственность профессии (и по отцовской, и по материнской линиям) нередко прослеживается (по документам, мемуарам и другим вполне достоверным источникам) вглубь на несколько десятилетий, насколько хватает памяти. Она варьируется лишь в деталях — дьякон, второй священник, просто священник, благочинный, протоиерей. Только иногда (особенно с середины XIX в.) эта «гладкая» родословная «искажается» непокорным поповичем (вроде некрасовского Еремушки или Григория Добросклонова) или (еще реже) непослушной поповной (например, Юлией Ивановной Юриковой — о ней см. дальше), вырвавшимся «в мир» и нередко проклятыми родителями. Они выходили из духовного сословия, эта процедура связана с некоторыми трудностями и нередко затягивалась. Разночинцы вроде Чернышевского или Добролюбова — первые приходящие на ум, но далеко не единственные примеры.

Устои духовной семьи были еще прочнее, чем рабочей. Запрет для священника второго брака определял бережное отношение к жене. В случае вдовства естественнее всего открывалась дорога в монашество, вообще в черное духовенство. Нередко, если вдовец имел высшее духовное образование, возникала перспектива большой духовной карьеры — архиерейства, высокой викариной должности, изредка епископства и т. д.

Отметим еще одну черту. Семья священника нередко была многодетной. Таким образом, возникал немалый избыток кандидатов на духовные должности: Синод не мог обеспечить местами всех детей священника. Часть шла «по духовной линии», часть — в чиновничество, другие возвращались в крестьянство. Порою для борьбы с этим «православным пролетариатом» (как называл его Помяловский) приходилось искусственно сокращать духовное сословие, определяя излишек в солдаты. Так можно было поступать, например, с неуспевающими в течение многих лет великовозрастными семинаристами, заштатными дьячками и попомарями, изгнанными из монастырей послушниками, даже с чинов-

никами консисторий и пр. Об этой тревожной новости («верстают в солдаты») тоже есть упоминание в «Очерках бурсы».⁵

Укажем еще одно родословное осложнение. Выживали при огромной детской смертности далеко не все дети, рождались новые, и им присваивалось имя умершего, в схеме возникало затруднение.

При такой традиционной многодетности, когда следующее поколение вступало в браки и в свою очередь рождало немалое потомство, трудно было поддерживать обширные родственные связи, особенно по женской линии. Так было, между прочим, и в семье Добролюбова (об этом см. дальше).

Еще одна особенность: брак у духовенства всегда заключался в пределах одной веры и национальности, разноплеменных и разновременных браков (как у дворян) здесь никогда не было.

Внебрачные дети у духовенства — чрезвычайно редкое явление: грозили расстрижение и суровые духовные кары. Это определяло одну, достаточно простую, неосложненную родословную линию. Напомним, что Лесков в знаменитой сатире «Мелочи архиерейской жизни» описывает церковнослужителей — пьяниц, плутов, бюрократов, допосчиков, драчунов, взяточников, певежд, но в этой огромной галерее не фигурируют нарушители седьмой заповеди — дьячки Лукьян и Константин Богословский примеры случайные. Из высокопоставленных духовных иерархов Лесков описал только настоятеля Киевского Никольского монастыря — Мельхиседека, утопившего в Днепре в 1878 г. во время прогулки в весьма сомнительном обществе.⁶ Значительная обличительная литература 1860-х и последующих годов инкриминировала духовенству множество грехов, но прелюбодеяние — очень редко.

Любой дворянин мог пойти сведения о своем роде в материалах печатных родословий или во всяком случае в делах дворянских собраний, в Сенате — в Департаменте герольдии. Родословное древо духовенства — явление весьма редкое. Это не относится, конечно, к таким духовным деятелям, как, скажем, Евгений Болховитинов — он был дворянином по рождению.⁷ Рядовой, особенно провинциальный, священник рассчитывать на интерес к его роду никак не мог, если только он не пробивался в верхи, к знати, в так называемые «князья церкви».

Особо стоят многочисленные жития, описывающие деяния какого-либо подвижника. Тогда возникает его псевдобиография, почти стандартного типа — вначале ощущение своей «призван-

⁵ См. также: *Кедров Н.* Духовенство и воинская повинность. — Русский архив, 1888, № 5, с. 0129—0132.

⁶ *Лесков Н. С.* Собр. соч. Л., 1957, т. 6, с. 463. — Этот эпизод М. Шагиняп почему-то относит к 1909 г.! (*Шагинян М.* Человек и время. — Новый мир, 1975, № 3, с. 151). Несмотря на соответствующее указание, эта ошибка не исправлена в отдельном издании под тем же заглавием (М., 1980, с. 365).

⁷ *Змеев Л. Ф.* К родословной митрополита Евгения Болховитинова. — В кн.: Сб. Отд-ния рус. яз. и словесн. имп. Академии наук. СПб., 1853, т. 55, с. VI—XII.

ности», какие-либо божественные «голоса», «знаки», «знамения», затем покорный сын получает (не сразу!) благословение родителей и уходит из мира, он совершает духовные подвиги и т. д. Все это к генеалогии никакого отношения не имеет и должно быть полностью элиминировано. «Житие — не биография, — писал В. О. Ключевский, — а назидательный панегирик в рамках биографии, как образ святого в житии не портрет, а икона».⁸

Родословные разведки в области русского духовенства существенно осложняются одним обстоятельством, учесть которое далеко не всегда легко и возможно. Русские крестьяне даже в середине XIX в. часто не имели юридически оформленных фамилий. Они прозывались по отцу, деду, помещику, которому принадлежали (отсюда крестьяне Браницкие, Волконские, Раевские и др.), по какому-либо телесному признаку (порой изъяну), по месту рождения, событию или эпизоду, благодаря которым они стали известны, и т. д. Кто-то из крестьянских детей отдавался отцом в духовное училище (а потом и в семинарию), тем самым более или менее предопределялась будущая духовная профессия, кадры священнической массы формировались именно из крестьянства. У новоявленного семинариста никакой фамилии сплошь и рядом не было. В таком случае ректор или инспектор училища или семинарии в меру своих творческих возможностей нарекал без особого, впрочем, разнообразия ту или другую фамилию, большей частью па библейский или духовно-нравственный манер. Так, у священника Катанского два сына сохранили эту фамилию, а два других стали Садов и Елеонский.⁹ У бесфамильного священника Никиты один сын получил фамилию Моностырев, другой — Амфитеатров. Сын его — впоследствии митрополит Киевский и Галицкий, у него был брат Семен, не то в Орловской духовной семинарии, не то при поступлении в Московский университет получивший фамилию Раич, впоследствии известный литератор и учитель Тютчева. Семинарист Красин тоже был переименован в Амфитеатрова.¹⁰ Сын пономаря Владимирской губернии М. П. Аннинского получил фамилию Ундольский (по селу, где служил его отец), бесфамильный поп Петр имел сына Никиту, который в духовной семинарии стал Гиляровским (от латинского *hilegis* — веселый), а потом еще и Платоновым (по митрополиту, который оказывал ему большую поддержку). Его сын — философ, профессор Киевского университета, академик Академии наук УССР, внук — искусствовед, правнук — бполог, академик Академии наук СССР (скончался в 1985 г.).¹¹

⁸ Цит. по кн.: *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 10.

⁹ *Катанский А. Л.* Воспоминания старого профессора. Пг., 1914, ч. 1, с. 3.

¹⁰ *Сергей (Василевский).* Высокопреосвященный Филарет... Амфитеатров, митрополит Киевский и Галицкий и его время. Казань, 1888, т. 1, с. 3.

¹¹ См.: *Гиляров-Платонов Н.* Из пережитого: Автобиографические воспоминания. М., 1886, т. 1, с. 44, 69; т. 2, с. 7.

При этом возникало еще новое генеалогическое осложнение: при небольшом разнообразии фамилий встречались однофамильцы, но не родственники. (Впрочем, после 1847 г. Синод эту практику осудил). Во всех перечисленных случаях родословие не уходило вглубь больше чем на три-пять поколений. Так, фамилия деда названного митрополита Филарета неизвестна, скорее всего ее вообще не было. Родословные связи были ослаблены и быстро забывались, а переход в черное духовенство и вовсе их обрывал. «... Сродникам моим по плоти никакого наследства по копчине моей не оставляю», — написал в своем завещании 17 ноября 1847 г. митрополит Филарет (Амфитеатров).¹²

Совершенно то было у дворянства: так, например, «старший брат деда Петра Яковлевича (Чаадаева. — *С. Р.*) женат был на старшей сестре прабабки Пушкина». Исследовательница, установившая это свойство, полагает, что оно «было, конечно, обоим известно».¹³ А. С. Пушкин и поэт И. П. Мятлев были «шестероюродные», т. е. братья в шестом колене, но обращались друг к другу на «ты» и считались родственниками.¹⁴ В духовном родословии установление подобных и гораздо более близких степеней свойства или родства почти совершенно невозможно. А в дворянской традиции этого было достаточно, чтобы называть друг друга «кузен» и «кузина» и «порадеть родному человечку» (Грибоедов).

Историк С. Н. Чернов, готовя к печати собрание сочинений Чернышевского, писал, что «о предках Чернышевского известно немного». Далее приводились некоторые сведения о прадеде критика по отцу — Василии. Его сын Иван служил дьяконом в с. Чернышеве Чембарского уезда Пензенской губернии. «По преданию, — пишет С. П. Чернов, — <...> предки <...> принадлежали исстари к духовенству».¹⁵ Таким образом, и в данном случае мы можем уверенно говорить не более чем о четырех поколениях. Сам Чернышевский, называя своих предков, писал: «... священник неизвестной фамилии Иван Кириллыч». О предках матери он писал еще проще и столь же неопределенно: «... прадед — неизвестно кто».¹⁶ Об однообразии священнических генеалогий Чернышевский свидетельствует: «... кажется, было время пополнить генеалогию с его (отцовской. — *С. Р.*) стороны, хотя спросив, как звали дедушку, — не пришло в голову спросить, и ему не пришло в голову сказать. И теперь можно бы навести справку по послужному его списку — но так и быть».¹⁷ Эти строки написаны «на досуге» в Петропавловской крепости в 1865 г.¹⁸

¹² Там же, т. 3, с. 693.

¹³ Телетова Н. К. Забытые родственные связи Пушкина. Л., 1981, с. 23.

¹⁴ Там же, с. 80—81.

¹⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939, т. 1, с. 807.

¹⁶ Там же, с. 567.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Новейшие разыскания А. А. Демченко подытожены в его содержательной книге: И. Г. Чернышевский: Научная биография. Саратов, 1978. ч. 1, с. 12—16, 276—277.

Потребность родословия, хотя бы в ограниченных объемах и только для выдающихся духовных деятелей, сознавалась уже давно. В примечании к статье Л. М. Савелова «Русское генеалогическое общество» П. Бартевев писал: «...русскому генеалогическому обществу надлежит заниматься не дворянами только, но и родословием других сословий, в особенности духовенства, когда в них встречаются лица достопамятные». ¹⁹ А такие встречались не очень часто.

Имена Чернышевского и Добролюбова принадлежат, казалось бы, именно к разряду этих достопамятных имен, но родословного интереса они почти никогда не вызывали ни со стороны исследователей, ни со стороны самих носителей фамилии: в середине XIX в. это делалось принципиально — важны лишь свои заслуги, кичиться предками неуместно. Невозможно себе представить тургеневского Базарова, интересующегося своей родословной: «дед землю пахал» — и этим все ограничивалось. В наше время положение существенно изменилось. Глубоко справедливы следующие слова академика Д. С. Лихачева: «...генеалогические разыскания перестали быть привилегией аристократов. Своими предками и пращурами стали интересоваться люди самого широкого круга». ²⁰ Именно в этом плане представляет для нас интерес семья Добролюбовых.

Род Добролюбовых прослеживается приблизительно с конца XVIII в. и связан, как можно думать, с глухим углом юго-восточной части Лукояновского уезда Нижегородской губернии — с Тольский Майдап. ²¹ Ныне — это благоустроенное село, сельсовет Лукояновского района Горьковской области объединяет более 10 населенных пунктов.

Майдап — по Далю, название селений Нижегородской губернии. Слово это (арабского происхождения) в данном случае обозначает смолокурню, дегтярню, поташню и пр., т. е. все занятая, возможные в лесных районах. В Лукояновском уезде существовал ряд майдапов, возникших на росчисти лесов. «Полтысячи лет назад местность вокруг современных Арзамаса, Сергача, Лукоянова, — пишет современный исследователь, — представляла собою лесные дебри, жили здесь ископи мордовские племена, занимавшиеся охотой». ²² Постепенно они обращались в православие. В XVII в. в окрестностях города Арзамаса, села Лукоянова, Сергача с близлежащими деревнями возникли многочисленные поташные заводы, по терминологии того времени — „будные май-

¹⁹ Русский архив, 1898, № 7, с. 594.

²⁰ Лихачев Д. С. Лики слова. — В кн.: Ленинградская напорама : Литературно-критический сборник. Л., 1984, с. 271.

²¹ До сих пор сохраняет некоторую ценность обстоятельное обследование: Русинов Н. И. Лукояновский уезд Нижегородской губернии. — В кн.: Нижегородский сборник. Нижний Новгород, 1869, вып. 2, с. 1—103; 1875, вып. 5, с. 237—256.

²² Орлов С. А. Н. Добролюбов в Нижнем Новгороде. 2-е изд. Горький, 1985, с. 15—32.

даны».²³ До наших дней сохранились еще два обычных русских села — Новый Майдан и Салдаманов Майданский. Но самым заметным было именно с. Тольский Майдан, расположенное на почтовом тракте. В начале 1859 г. по 10-й ревизии в нем числилось 1376 жителей мужского пола и 1416 женского, всего 2792 человека. В селе было 397 дворов — стало быть, оно было большое. Впрочем, в начале XIX в. оно, вероятно, было гораздо меньше.²⁴

В 1799 г., когда христианство было уже внедрено, в селе построили деревянную церковь.²⁵ При ней был положенный причт — священник, дьякон, дьячок, может быть, и пономарь. С этого времени и следует, очевидно, начинать отсчет поколений рода Добролюбовых.²⁶

Весьма вероятно, что священник, которому положено было все время общаться с новообращенными христианами и влиять на них должным образом, был (как это нередко случалось в таких случаях) из местных крестьян. Он, очевидно, окончил духовное училище и духовную семинарию и был определен к новой церкви.

Можно предположить, что Иоанн Добролюбов (первый носитель этой фамилии, явно духовного происхождения) был первым священником только что учрежденной церкви. Это было в самом конце XVIII в.

Как долго он священствовал, неизвестно. Из относящейся к 1829 г. клировой ведомости видно, что священником был уже Федор Степанов (Степанович?), а дьяконом — «священнический сын» тоже Иоанн Иоаннович Добролюбов, он был сыном названного выше Иоанна. 11 декабря 1806 г. он по окончании класса риторики, т. е. пройдя первую (из трех) ступень духовной семинарии — словесности, богословия и философии, был определен дьяконом в близлежащее село Лобаски, но вскоре, уже в сентябре 1808 г., его перевели в Троицкую церковь с. Тольский Майдан (см.: Поколенную роспись... , № 2; далее в скобках при ссылках на «Поколенную роспись» приводится только ее порядковый номер). В это время у него (по данным клировой ведомости 1829 г.) была жена Мария Федорова (Федоровна?) 39 лет (она умерла в 1854 г.). Муж был, вероятно, немного старше, скажем, 42—

²³ Там же, с. 18.

²⁴ Списки населенных мест Российской империи. XXXV. Нижегородская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1863, с. 103.

²⁵ ЦГИА СССР. ф. 779 (хозяйственное управление Синода), оп. 33. д. 970, л. 109—109 об. (страховые листы). — За указание этого дела искренняя благодарность С. И. Вареховой.

В быту церковь называлась «Троицкой», полное ее название — «Церковь живоначальные Троицы». См.: Музей А. М. Горького (г. Горький), ф. 12 и 92. Лукояновский уезд. Документы (ведомости, рапорты и проч.) по Нижегородской епархии. 1829. — Это дело, содержащее клировые ведомости, обнаружено и любезно указано мне проф. С. А. Орловым.

²⁶ См. приложение к статье — «Поколенная роспись Добролюбовых и Рюриковых» (с. 161—163).

45 лет, т. е. родился около 1785 г. Ко времени составления названной клировой ведомости у него были 19-летний сын Александр (№ 3), обучавшийся в среднем отделении Нижегородской духовной семинарии, и две дочери — Александра восьми лет (т. е. 1821 г. рождения) и Анна пяти лет (т. е. 1824 г. рожд.). В ведомости об Александре сказано: «...читать обучена», об Анне замечено: «...читать учиться». Позднее родились еще трое или четверо детей, из них Мария (по мужу Певницкая) и Василий (1831—1880 гг.), имена, пол и даты остальных неизвестны.

О самом дьяконе в ведомости сказано, что пение и чтение он знает «хорошо», а катехизис «недостаточно». Многие объясняет предпоследняя графа того же документа: «кто, кому в каком родстве» — и ответ: «дьякон священнику зять родной». Другими словами, он был женат на дочери священника (мы не знаем точно его фамилии, вероятно, Рюриков) и дождался священнического места.

Этим ограничиваются наши скудные сведения о первых трех поколениях рода Добролюбовых — мы не знаем даже, кто и когда получил эту фамилию. Все становится яснее начиная с четвертого колена, хотя и тут за точность родословной таблицы ручаться невозможно: выявить все линии и проследить их не удалось.

Уже упомянуто, что у дьякона Иоанна Добролюбова в 1810 г. родился старший сын — Александр, отец будущего критика.

Во второй половине 1830 г. дьякон и его жена провожали своего старшего сына Александра (1812—1854 гг.), возвратившегося после летних вакаций из Тольского Майдана, в Нижний Новгород. Путешествие по тем временам было очень далеким — этот путь (около 200 верст) через Лукоянов и Арзамас по проселочным, отчасти шоссеиным дорогам, порой на полупутином транспорте мог занять пять-семь дней. Малообразованный отец во что бы то ни стало хотел дать любимому первенцу полное духовное образование: о выходе из духовного сословия и речи не было.

Сын начинал пятый год своего пребывания в семинарии, и родители не знали еще, примут ли Александра на «казенный кошт», а это многое определяло — самим содержать сына при многочисленной семье было не по силам. 19 августа 1830 г. после различных нравственных наставлений («прихотей и подозрительных занятий всемерно удаляйся») родители тревожно спрашивали: «...примут ли на казенное тебя или нет. Пропиши».²⁷ Письмо написано рукою деда: вероятно, отец был малограмотен.

В 1832 г. Александр Добролюбов успешно закончил семинарию (по первому разряду) и остался навсегда в Нижнем Новгороде. Биографии отца великого критика и его жены Зинаиды

²⁷ *Княжнин В. И.* Архив Н. А. Добролюбова: Описание... СПб., 1914, с. 67 (на обл.: Временник Пушкинского Дома. 1913).

(1816—1854 гг.) достаточно хорошо известны, и останавливаться на них здесь нет надобности.²⁸

Не будем распространяться об основном герое наших родословных разведок — Николае Александровиче Добролюбове (1836—1861 гг.) (№ 11). Биография великого критика и революционера детально изучена. «Юноша-гений», как называл его Некрасов, умер холостым и бездетным.

18 сентября 1853 г. студент светского учебного заведения — Главного педагогического института в Петербурге — был уволен из духовного звания.²⁹ Таким образом, неполных три поколения в течение примерно полутора веков — прадед, выходец из крестьян, его сын и внук — принадлежали к духовному сословию. А правнук (таковы парадоксы истории!) в эпоху революционной ситуации 1860-х гг. стал разночинцем и защитником интересов русского крепостного крестьянства!

У Александра Добролюбова было не менее восьми сестер и братьев: не все их имена нам известны (№ 3—10). Из них мы остановимся сейчас только на брате Василии (1831—1880 гг.) (№ 5). Он не стал священником. После смерти (в августе 1858 г.) его жены Е. Е. Лебедевой он в январе 1859 г. переезжает в Петербург. Вероятно, при помощи Некрасова он устраивается на службу контролером Государственного банка в Петербурге. Одновременно он много помогал своему племяннику в делах осиротевшей и обедневшей семьи, в заботах об устройстве его малолетних сестер и братьев. Когда П. А. Добролюбов в мае 1860 г. уехал лечиться за границу, он принял на себя и выполнение некоторых его деловых поручений. Самолюбивый и обидчивый, он в октябре 1861 г. поселился отдельно от тяжело больного, а вскоре и умершего племянника.

В 1864 г. он издал книгу «Банковая бухгалтерия. Полное руководство к изучению операций и счетоводства во всех существующих в России банковых учреждениях». Вероятно, в память о критике «Современник» откликнулся на это издание довольно большой, сочувственной рецензией Л. И. Розанова (1865, № 5, отд. 2, с. 87—92). Другая, тоже положительная, рецензия была помещена в «С.-Петербургских ведомостях» (1865, № 69). С 1866 по 1879 г. В. И. Добролюбов служил управляющим Каменец-Подольским отделением Государственного банка. В 1880 г. он умер в чине коллежского советника в психиатрической больнице в Киеве.

У Александра Ивановича Добролюбова и его жены Зинаиды Васильевны было восемь человек детей (№ 11—18). Его дочь Екатерина (1843—1894 гг.) и ее муж-педагог А. П. Стеклов (№ 14) были родителями знаменитого русского и советского

²⁸ Рейсер С. А. Добролюбов в Нижнем Новгороде. 1836—1853. Горький, 1966, с. 5—15; Орлов С. А. Н. Добролюбов в Нижнем Новгороде, с. 15—32.

²⁹ Рейсер С. А. Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова. М., 1953, с. 58, 70.

математика, вице-президента Академии наук СССР Владимира Андреевича Стеклова (№ 45). Другая дочь Аппа (1841—1907 г.) (№ 13) — прабабушка известного советского дирижера Геннадия Николаевича Рождественского (№ 74).

Потомственный почетный гражданин Владимир Добролюбов (№ 16) оказался вовлеченным в капиталистические перипетии эпохи и стал, особенно два десятилетия спустя, очень состоятельным коммерсантом. Ему принадлежит книга «О положении каменноугольной промышленности в Донецком бассейне. Посвящается всем русским людям, сознательно любящим свое отечество и понимающим интересы родной страны — родной семьи» (СПб., 1887; 2-е изд., 1888). Книга под этим вычурным и претенциозным заглавием была непосредственно связана с усилением углеработок в России, в частности в Донбассе. В первое десятилетие XX в. мы находим В. А. Добролюбова в Петербурге на ответственном и заметном посту директора Товарищества берестовской каменноугольной промышленности.

В 1901 г. он напечатал краткие воспоминания о брате.³⁰

Несколько позже он издал книгу «Ложь гг. Николая Энгельгардта и Розапова о Добролюбове, Н. Г. Чернышевском и духовенстве» (СПб., 1902. 170 с.). Этот очень запальчиво написанный полемический этюд якобы в защиту идей революционной демократии представляет собой совершенно бессвязный рассказ, свидетельствующий о том, что в наследии своего брата автор решительно ничего не понял и в реакционных идеях нововременских публицистов совершенно не разобрался.

Владимир Добролюбов как старший оказался наследником авторских прав своего великого брата и до истечения установленного законом 50-летнего срока (1911 г.) рьяно эти права защищал, не делясь ни с кем из сестер и братьев. Всякие попытки даже небольших публикаций наследия Николая Добролюбова пресекались угрозой судебного иска.

Иван Добролюбов (№ 17) остался круглым сиротой в возрасте трех лет, после смерти родителей он был взят на воспитание сестрой умершей матери Ф. В. Благообразовой. Около 20 августа 1860 г., когда старший брат Николай уже лечился за границей, Ивана перевезли в Петербург. Ближайшее участие в нем (как и в брате Владимире) принимает Авдотья Панаева. «Авдотья Яковлевна зовется с Вашими братьями так, как могла бы заблуждаться разве очень добрая сестра», — писал Чернышевский Добролюбову 12 сентября 1860 г.³¹ В сохранившихся бумагах редакции «Современника» (ИРЛИ) есть записи о выдаче денег на содержание братьев критика при его жизни и после смерти.

В одном из писем критика к дяде Василию от 26 сентября (8 октября) 1860 г. из Парижа находим такие строки о младшем

³⁰ См.: П. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. [М.], 1986. с. 266—273.

³¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949, т. 14, с. 708.

брате: «Да, с Вашей надо обращаться совершенно, как с взрослым, — давать ему резоны и, впрочем, ни к чему не принуждать. По его характеру он может хорошо развиваться и быть тем, чем я бы смог сделаться, если бы меня не давили в детстве».³² Добролюбов заочно, по проициательно усмотрел повышенную первую возбудимость брата и сопоставил ее с мучившим в Педагогическом институте, а отчасти и дома гнетом над быстро развивавшимся интеллектом.

Своего брата Н. А. Добролюбов увидел незадолго до смерти (16 ноября), а именно 8 или 9 августа 1861 г.

Мы ничего не знаем о дальнейшем пути Ивана до середины 1873 г., когда он неожиданно оказывается в США. В архиве А. Н. Пыпина в ГПБ (ф. 621) хранятся неизданные письма И. А. Добролюбова к этому вечному благодетелю семей Чернышевского и Добролюбова. Из приложенного к письму Ивана Добролюбова к А. П. Пыпину рекламного объявления (на русском языке) видно, что «глухонемой» (т. е. не знающий английского языка) Иван, как он сам себя называет, принял участие в какой-то русско-американской компании (в Нью-Йорке), основанной для вывоза предметов, пригодных для американского рынка и производства, и ввоза американских товаров в Россию. Он поселился в одной комнате с четырьмя русскими и должен был получать (за коммиссионную?) работу 50 руб. в месяц, но, кажется, их не получал. С начала мая 1873 г. мы видим его (судя все по тем же письмам) в г. Итака (штат Нью-Йорк) в недавно (в 1868 г.) основанном Корнуэльском университете «на правах гостя». 12(24) июня 1873 г. он надеется сдать вступительные экзамены и пока не раскаивается в отъезде из России.

В Итаке было нечто вроде русского землячества — «Русский кружок взаимного вспомоществования», об этом как будто объявляли «С.-Петербургские ведомости». В письме упоминаются Саша (А. Н. Чернышевский?), Авдотья Панаева и др. И. А. Добролюбов очень интересуется на шумевшей дуэлью А. Ф. Жохова с Е. И. Утиным (в мае 1872 г.).

В огромном (на 16 страницах) выцветшем и трудно читаемом письме Иван Добролюбов подробно описывает свою неудачливую жизнь. В США он был вовлечен скорее всего какими-то проектами, может быть, социального характера.

В июле 1874 г. Иван Добролюбов все же окончил Корнуэльский университет и 2 июля н. ст. получил диплом бакалавра и звание гражданского инженера (Civil Engineering). Не совсем ясно, что это был за факультет с таким коротким сроком обучения.³³

³² Добролюбов И. А. Собр. соч.: В 9-ти т. М., 1964, т. 9, с. 450.

³³ Диплом И. А. Добролюбова и его письма к брату Владимиру хранятся в Ленинграде в архиве Академии наук СССР, в фонде В. А. Стеклова (ф. 162, оп. 4, д. 4; оп. 5, № 1—18 писем И. А. Добролюбова за 1870—1876 гг.).

По-видимому, дела И. А. Добролюбова все же не устранились. В июле (?) 1876 г., как это видно из его неизданного письма к М. М. Стасюлевичу, он решил оставить Америку: издатель «Вестника Европы», кажется, оказывал ему какую-то денежную помощь и, возможно, пытался напечатать что-то из его работ.³⁴

И. А. Добролюбов возвратился в Россию, некоторое время был в Нижнем Новгороде. Здесь он помогал своему племяннику, будущему академику математики В. А. Стеклову в его занятиях химией. По словам В. А. Стеклова, его ученик Г. И. Игнациус характеризует Ивана Добролюбова как великолепного знатока математики и физики и очень обаятельного человека.³⁵ Мы не знаем, как и почему он снова оказался в Петербурге и чем он тут занимался. В марте 1879 г. мы находим его в психиатрической больнице «по причине расстройства умственных способностей», 8 марта 1880 г. он скончался «от хронического воспаления мозга».³⁶

Выше было указано, что в том же 1880 г. в Киеве и тоже в психиатрической больнице скончался Василий Иванович Добролюбов. Действовали ли здесь какие-либо генетические причины, или перед нами случайное совпадение, мы не знаем.

Ни один из трех братьев детей не имел, и поэтому род прексся.

В архиве Добролюбова, хранящемся в Институте русской литературы Академии наук СССР в Ленинграде (Пушкинский Дом), находятся драгоценные и до сих пор малоизученные материалы, характеризующие пути развития будущего критика, в то время 16-летнего семинариста. Это тетради, названные им «Рестры книг». Они сохранились (полностью или частично) за 1849—1853 гг., и в них зафиксированы (порою с более или менее развернутыми отзывами) книги и журналы, прочитанные Добролюбовым.³⁷ Среди бумаг за 1853 г. сохранились различные, постепенно расширявшиеся критические записи о прочитанном — драгоценные материалы для суждения об интересах и путях развития будущего критика. Наше внимание в настоящий момент привлекают записи от 21 августа 1852 г. и 27 июля 1853 г. Из них видно, что 16 августа Добролюбов взял, а 21 августа возвратил некоему И. П. Рюрикову книгу М. Богданова по истории Ветхого завета, а 27 июля возвратил ему же «Финский вестник» (1846, № 12) и «Ученые записки Казанского университета» (1839, ч. 2). Можно думать, что инициал «П» — описка и надо читать «А». Во всяком случае никакой «Павлович» или «Петро-

³⁴ ГПБ, ф. А. Н. Пыпина (ф. 621, 827).

³⁵ *Игнациус Г. И.* Владимир Андреевич Стеклов. 1864—1926. М., 1967, с. 23.

³⁶ Справка психиатрической больницы Николая Чудотворца в Петербурге. — ААН СССР, ф. 162, оп. 4, № 5.

³⁷ Некоторый анализ этих записей см.: *Рейсер С. А.* Добролюбов в Нижнем Новгороде... с. 54—110.

вич» нгде в родословни не обнаруживается, впрочем, не все имена Рюриковых нам известны. Все же предположительно устанавливается факт общения будущего критика со своим, как мы предполагаем, двоюродным братом.

Работая в течение ряда лет над биографией Добролюбова, я давно заинтересовался этой явно семинарской фамилией. И обратился к известному советскому критику, публицисту и партийному работнику Борису Сергеевичу Рюрикову (1909—1969 гг.) (№ 71) с запросом о его родственных связях с названным лицом. Это было тем более естественно, что Б. С. Рюриков в 1932 г. окончил Горьковский педагогический институт и мог быть земляком или родственником моего адресата. В ответ я получил краткое письмо (к сожалению, утраченное), в котором мне было сообщено, что о И. Рюрикове ему ничего неизвестно. От дальнейших справок адресат уклонился.

Лишь спустя ряд лет я смог вернуться к той же теме, и на этот раз мои родословные разыскания привели к некоторым открытиям. Они были бы невозможны, если бы мне не была оказана любезная письменная помощь нескольких лиц. Прежде всего я должен назвать заслуженного врача РСФСР Александра Христофоровича Рюрикова (1892—1980 гг., г. Городец Горьковской обл.). Важные указания были мне сообщены доктором филологических наук, профессором Горьковского университета Серафимом Андреевичем Орловым (1910—1980 гг.) и известным прозаиком и журналистом Леопидом Александровичем Кудреватых (1906—1981 гг.) (подробно см. ниже, с. 159).

Результаты родословных разведок привели к следующему.

Как сказано выше, у отца будущего критика Александра Ивановича Добролюбова было несколько сестер. Из них мы твердо знаем имена: Александра и Анна (№ 7, 8). Одна из них (престарелый А. Х. Рюриков в 1975 г. не мог вспомнить имени своей бабушки: кажется, имя Анна более правдоподобно) была женой священника с. Тольский Майдап Александра Ивановича Рюрикова (№ 8). Этот Рюриков стал священником церкви по многолетней традиции, о которой речь шла выше. С этого времени семья породнилась. У этой четы было от пяти до семи человек детей (№ 28—34), из которых нам сейчас интересен их сын Иван (№ 33). Мы ничего о нем не знаем, кроме того что он был дьяконом, а потом, может быть, и священником Тихоновской церкви в Нижнем Новгороде. Таким образом, он и его брат, известный земский врач Христофор Александрович (1858—1906 гг., № 34), приходится двоюродными братьями великому критику. Эти имена впервые вводятся в родословие Добролюбова.³⁸

³⁸ Существуют и другие потомки, место которых в «Поколенной росписи» остается неустановленным. Так, в «Адрес-календаре Нижегородской губернии на 1885 г.» (Нижний Новгород) значатся учитель Ворсменского сельского училища Горбатовского уезда Александр Александрович Рюриков (с. 219) и благочинный с. Оселки Макарьевского уезда, учитель местной церковно-приходской школы Владимир Рюриков (с. 268). В одном

Иван Александрович Рюриков был человеком прогрессивных взглядов: его потомки прочно связали себя с историей русской освободительной борьбы в частности с партией большевиков.

У кузена Н. А. Добролюбова — дьякона И. А. Рюрикова было трое детей: два сына и дочь — Александр, Борис и Юлия (№ 52, 53, 54).

О судьбе Александра А. Х. Рюриков 5 декабря 1975 г. писал мне, что это «был рядовой член партии, зав. Историческим музеем в Нижнем Новгороде». Ни дат его рождения и смерти, ни сведений о семье и потомках у меня нет.

Гораздо ярче оказалась судьба другого его сына — Бориса (род. в 1878 г.). В 1898 г. он окончил Нижегородскую духовную семинарию и стал студентом Казанского ветеринарного института. Тесно связанный с подпольными социал-демократическими кружками, он был арестован в Казани в феврале 1901 г. После семи месяцев заключения он был освобожден, но 16 февраля 1902 г. его снова арестовали в Нижнем Новгороде и заключили в одиночную камеру. Тяжело больной, он был выпущен под надзор полиции, но уже 19 апреля скончался. Его похороны 22 апреля 1902 г. в Нижнем Новгороде превратились в большую политическую демонстрацию. Социал-демократы выпустили по этому случаю 24 апреля на гектографе специальную прокламацию («Летучий листок № 41»).³⁹ На погребении яркую речь произнес молодой Я. М. Свердлов. Вскоре после этого он был арестован.⁴⁰ «Исследователи творчества Горького, — пишет Л. А. Кудреватых, — утверждают, что страницы повести „Мать“ о похоронах Егора Ивановича рисуют картины, очень похожие на похороны Б. И. Рюрикова».⁴¹ На демонстрацию, в которую вылились похороны Рюрикова, откликнулась особой заметкой и лепинская «Искра».⁴²

из полицейских рапортов 1903 г. назван Николай Рюриков (вероятно, № 56), арестованный 30 апреля с обнаруженными у него революционными изданиями. См.: Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии в 1900—1904 гг.: Сборник документов / Под ред. В. П. Фадеева. Горький, 1957, с. 266—267.

³⁹ Текст ее см.: Революционное движение в Н. Новгороде..., с. 308—311. — Из этой листовки, между прочим, видно, что отец Б. И. Рюрикова, названный выше Иван, в это время был еще жив и служил в Тихоновской церкви.

⁴⁰ *Городецкий Е., Шапаров Ю.* Я. М. Свердлов. Свердловск, 1981, с. 9 и след.; *Панкратов В.* Я. М. Свердлов: Начало революционной деятельности. Горький, 1970, с. 43—45, 205—206.

⁴¹ *Кудреватых Л. А.* О Борисе Рюрикове, его отце и немного о наших с Борисом друзьях. — В кн.: Признание в любви. М., 1975, с. 55. — Б. И. Рюриков мельком упоминается в письме Горького к И. А. Груздеву 9 мая 1936 г. (Архив А. М. Горького. Т. IX. Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966, с. 364). На похоронах Б. И. Рюрикова Горький не был — он в это время находился в Крыму и приехал в Нижний Новгород только 26 апреля (Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М., 1958, вып. 1, с. 381—382).

⁴² См. перепечатку № 22 «Искры» (июль 1902 г.): Прибой. Л., 1926, вып. 3, с. 132.

Совсем иначе сложилась жизнь Юлии Ивановны Рюриковой. Едва ли не основным источником ее биографии является письмо А. Х. Рюрикова к С. А. Орлову от 29 октября 1975 г., любезно переданное им мне в копии. Данными этого письма (и цитатами из него) я и пользуюсь.

Юлия Ивановна родилась в 1883 г. в Нижнем Новгороде. После 1904 г.⁴³ она окончила 2-ю Нижегородскую женскую гимназию. Уже это косвенно свидетельствует о прогрессивных тенденциях семьи — ведь была возможность отдать дочь в епархиальное училище (училища были основаны в 1868 г.).

По окончании гимназии она, писал А. Х. Рюриков, «уехала за границу, в Женеву, где окончила высшее медицинское учебное заведение. Она вышла замуж за большевика Попова (ошибка, на самом деле — за Семенова. — С. Р.) и сама была в партии большевиков. Там (в Женеве. — Р. С.) у нее родились двое детей (сын и дочь. — С. Р.). Незадолго до Октябрьской революции переехала в Россию и работала до 1918 г. участковым врачом в селе Чернуха Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Потом, после революции, переехала в Н. Новгород. Здесь работала в губкоме, затем заведовала губздравом, после чего работала главным врачом Нижегородского тубдиспансера. После ухода на пенсию вела общественную работу. Жила вместе с Борисом Сергеевичем (сыном. — С. Р.). Когда последний переехал в Москву (в 1946 г. — С. Р.) на работу в ЦК партии, Юлия Ивановна уехала также в Москву».

В этот рассказ нужно внести несколько дополнений и поправок.

Прежде всего надо назвать имя отца детей Юлии Ивановны, дочери Лидии и сына Бориса (№ 68 и 69). Это был известный русский писатель Сергей Терентьевич Семенов (1868—1929 гг.), автор многочисленных рассказов из крестьянского быта. «Краткая литературная энциклопедия»⁴⁴ характеризует его как «скромного бытописателя крестьянской жизни» и сообщает, что «значительной художественной ценности его произведения не представляют». С этой оценкой существенно расходятся отзывы о С. Т. Семенове Льва Толстого, который обратил на него внимание еще в 1886 г. «Ваши писания всегда мне нравятся своей содержательностью... правдивостью», «все, что пишет Семенов, всегда очень хорошо как в нравственном, так и в художественном отношении».⁴⁵

⁴³ В секретном рапорте нижегородского полицмейстера губернатору от 29 декабря 1904 г. сообщается, что на оппозиционном по духу собрании Общества пособия учителям и учительницам во Всесословном клубе 28 декабря присутствовала гимназистка Рюрикова (Революционное движение в Н. Новгороде... с. 317).

⁴⁴ Краткая литературная энциклопедия. М., 1971, т. 6, стб. 744.

⁴⁵ Лев Толстой об искусстве и литературе. М., 1958, т. 2, с. 466, 483; ср. также: с. 455, 460. — С. Т. Семенов трагически погиб, он был убит кулаками. См. об этом подробный рассказ К. Н. Ломунова во вступитель-

С. Т. Семенов участвовал в подпольной революционной работе и был приговорен к высылке в Олонецкую губернию, замененной разрешением выехать за границу, это было в 1908 г. Вскоре он встретился в Швейцарии с Ю. И. Рюриковой.⁴⁶ Их отношения никогда не были официально оформлены. Если бы это было иначе, то, оставаясь номинально православной, жена получила бы фамилию мужа или хотя бы приобрела (врачам это разрешалось) двойную фамилию, а дети носили бы фамилию Семеновых.⁴⁷ О писателе Юрии Борисовиче Рюрикове (род. в 1929 г.) в «Краткой литературной энциклопедии»⁴⁸ прямо сказано, что он является внуком С. Т. Семенова. Все дело было в том, что С. Т. Семенов уже состоял в это время в церковном браке (см. ниже).

Партийный стаж Ю. И. Рюриковой исчисляется с 1903 г., она была персональным пенсионером. Кончина двоюродной племянницы Добролюбова была отмечена объявлением в «Правде» от 13 октября 1957 г. Вероятно, она точно не знала о своем родстве с критиком.

В шестом колене, считая от священника Иоанна Добролюбова в конце XVIII в., отметим названного выше Бориса Сергеевича Рюрикова.⁴⁹ Как свидетельствует близкий друг Рюрикова Л. А. Кудреватых, он уклонялся от указания имени отца, сообщая лишь, что носит фамилию матери — Юлии Рюриковой. Только в одной из поздних анкет (притом не опубликованной при его жизни) он назвал своего отца — С. Т. Семенова. Причина этого скорее всего в том, что в первое десятилетие XX в. Семенов, как уже указывалось выше, состоял в церковном браке и имел трех дочерей — сельских учительниц Татьяну, Людмилу и Елену,⁵⁰ они ко времени его смерти не могли быть моложе 30 лет.

Так или иначе, но некоторые неясные представления о своей родственной связи с Добролюбовым у Б. С. Рюрикова все же были. Это следует из письма ко мне Л. А. Кудреватых от 18 декабря 1975 г. Привожу отрывок из этого письма. «Где-то в дальних отсеках моей памяти сохранился один разговор. В доме Б. С. мы смотрели книгу в поисках одной необходимой нам обоим цитаты. Искали эту цитату в книгах Герцена, Белинского и Добролюбова. И когда я, углубившись в томик Добролюбова, не

ной статье «Сергей Терентьевич Семенов» в изд.: *Семенов С. Т. Рассказы*. М., 1970, с. 3—6.

⁴⁶ Из воспоминаний С. Т. Семенова видно, что после выезда из России он первоначально поселился в деревушке Онэ подле Женевы. См.: *Семенов С. Т. По чужим землям: (Как живут и хозяйствуют земледельцы за границей): Очерки и впечатления*. М., 1910, с. 8.

⁴⁷ В фондах ГПБ в Ленинграде есть книга: *Первое десятилетие Нижегородской организации: Комсомольский сборник / Под редакцией Ф. Бородина, Ив. Пендюра и Ю. И. Рюриковой*. Нижний Новгород, 1928.

⁴⁸ *Краткая литературная энциклопедия*. М., 1978, т. 9, стб. 672.

⁴⁹ О нем см.: *Краткая литературная энциклопедия*, т. 6, стб. 571—572.

⁵⁰ *Кудреватых Л. А. О Борисе Рюрикове...*, с. 56—57, 64. — Переписка С. Т. Семенова и Ю. И. Рюриковой не издана. См.: *Ломунов К. Н. Сергей Терентьевич Семенов*, с. 11.

нашел пужного и передал томик Борису, он сказал: „У них с мамой какие-то родственные переплетения, но, по-моему, это седьмая вода на киселе“. Так или не так было дословно сказано, не утверждаю, по смысл такой.

Теперь же, получив Ваше письмо, я позволил сыну Б. С. — писателю Юрию Рюрикову. . . Он сообщил: „Моя бабушка, революционерка, Юлия Ивановна Рюрикова, родилась в 1883 году. Ее отец, Иван Иванович Рюриков, был священник, как теперь говорят, прогрессивно настроенный. . . Для меня, по рассказам бабушки, Юлии Ивановны, ясно одно: было двоюродное родство Рюриковых и Добролюбовых, но, на каком этапе, я не знаю, просто не занимался этой проблемой».

К этому сообщению пужна только одна поправка — прадеда Юрия Борисовича звали не Иван, а Александр.

Мы проследили по мере возможностей с пропусками и неясностями судьбу одного рода (в основе, надо полагать, крестьянского происхождения) в шести поколениях. На этом остановимся. Родство в шестом колене — это не близкое родство, но все же заслуживающее изучения. Для дворянских родословий (напомним Пушкина, Тургенева, Толстого и т. д.) взвешиваются и гораздо более отдаленные родственные связи, точнее говоря, не родство, а свойство.

Таковы наши неполные знания о семье Добролюбовых. При этом обнаруживаются и не замеченные раньше переплетения с семьей Рюриковых,⁵¹ в которой не менее четырех человек (в двух и более поколениях) связали себя с различными этапами революционной борьбы.

Еще раз напомним, что от родной сестры великого критика Анны (№ 13) прослеживается линия, оставившая заметный след в советской музыкальной культуре. Сын Анны — Петр (№ 44), племянник Н. А. Добролюбова, был отцом известной певицы Наталии (№ 62), а сын ее и дирижера Н. П. Аносова Геннадий Рождественский (№ 74) — внучатый племянник Н. А. Добролюбова — виднейший советский дирижер. Это уже 7-е колесо.

Как уже указывалось выше, другая сестра критика Екатерина и ее муж педагог А. И. Стеклов (№ 14) были родителями крупнейшего русского и советского математика, вице-президента Академии наук СССР В. А. Стеклова (№ 45), приходящегося родным племянником Н. А. Добролюбову.

Таков был вклад в нашу науку и культуру потомков безвестного дьякона из сельской глуши Нижегородской губернии.

Б. М. Эйхенбаум заметил, что «гений — это явление, в котором исторические силы народа скапливаются и высказываются в нужный момент».⁵² В русской истории XIX в. эти силы нако-

⁵¹ Мужские и женские потомки рода Рюриковых здравствуют и ныне.

⁵² Работа над Толстым: Из дневников 1926—1959 гг. — В кн.: Контекст. 1981: Литературно-теоретические исследования. М., 1982, с. 291.

пились уже в четвертом поколении и менее чем за столетие вступили в действие, способствуя созданию героической революционной ситуации, которую мы по праву называем эпохой Чернышевского и Добролюбова.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Поколенная роспись Добролюбовых и Рюриковых

В отличие от генеалогической традиции в родословии приведены не только мужские, но и женские имена — они проясняют интересующие нас родственные связи.

Материалом для «Поколенной росписи» послужили все названные в тексте статьи данные, а также установленное мною родословие Добролюбовых, напечатанное в моей книге «Летопись жизни и деятельности П. А. Добролюбова» (М., 1953, с. 822—823). Это родословие заново проверено и существенно расширено и уточнено. В росписи использованы хранящаяся в Пушкинском Доме Академии наук СССР справка Ант. А. Костровой-Добролюбовой (?), находящаяся в ЦГАЛИ материалы, составленные Ю. А. Порфирьевым, данные Дома-музея Н. А. Добролюбова в г. Горьком, справка проф. С. А. Орлова (г. Горький), книга Г. И. Игнатиуса «Владимир Андреевич Стеклов. 1864—1926» (М., 1967). Некоторые сведения были мне любезно сообщены З. Н. Рюриковой и М. А. Рюриковой-Прокопович (г. Москва), А. А. Рюриковым (г. Горький), А. Х. Рюриковым (г. Городец Горьковской обл.) и писателем и журналистом Л. А. Кудреватых (г. Москва).

Слева дан порядковый номер, справа — номер родителей.

Ввиду отсутствия необходимых данных не всюду соблюдено расположение в порядке возрастного старшинства.

1-е колено

1. Иоани Добролюбов (конец XVIII в.) — священник церкви с. Тольский Майдан Лукояновского уезда Нижегородской губернии.

2-е колено

2. Иоани Добролюбов (род. ок. 1785 г.) — дьякоп той же церкви. Его жена — Мария Федоровна (1790—1854).

3-е колено

3. Александр Добролюбов (1812—1854) — священник Верхнепосадской Никольской (или Николаевской) церкви в Нижнем Новгороде. Его жена — Зинаида Васильевна Покровская (1816—1854). 2
4. Мария (род. после 1829?). Ее муж — Петр Певницкий. 2
5. Василий (1831—1880). Его жена — Елена Ефимовна Лебедева (ум. в 1858).
6. Анна (род. 1821 или 1824). Ее муж — Ельцидифор Антонович (?) Садовский. 2
7. Александра (род. 1821 или 1824). Ее муж — В. И. Виноградов, учитель. 2

8. Анна или Александра (род. 1821 или 1824). Ее муж — Александр Рюриков (1821—1873), священник церкви с. Тольский Майдан Лукояповского уезда Нижегородской губернии. 2
9. Дочь.
10. Дочь или сын?

4-е колено

11. Николай Добролюбов (1836—1861). 3
12. Антонина (род. 1841). Ее муж — Михаил Алексеевич Костров (1826—1886), священник. 3
13. Анна (1841—1907). Ее муж — Василий Петрович Рождественский (ум. в 1893), священник. 3
14. Екатерина (1843—1894). Ее муж — Андрей Иванович Стеклов, преподаватель и ректор Нижегородской духовной семинарии. 3
15. Юлия (1846—1855). 3
16. Владимир Добролюбов (1849—1915). Его жена — Ольга Константиновна (1866—1908). 3
17. Иван Добролюбов (1851—1880). 3
18. Елизавета (1854—1860). 3
19. Николай Певницкий. 4
20. Надежда (род. и ум. 1856). 5
21. Дочь. Ее муж — Павел Алексеевич Серебровский. 6
22. Константин Виноградов. 7
23. Павел Виноградов. 7
24. Александра. 7
25. Семен Виноградов. 7
26. Иван Виноградов (1886—1939). 7
27. Александра Рюрикова. 8
- 28—32. Не менее пятерых детей. Вероятно, умерли младенцами. 8
33. Иван Рюриков — дьякон, потом священник Тихоновской церкви в Нижнем Новгороде. 8
34. Христофор Рюриков (1858—1906) — врач. Его жена — Лидия Алексеевна Скворцова (1869—1936). 8

5-е колено

35. Николай Костров (род. 1859). 12
36. Ольга (1861—1923). Ее муж — Алексей Александрович Порфирьев (ум. 1918), священник (?). 12
37. Алексей Костров. 12
38. Михаил Костров (род. 1874) — врач. 12
39. Сын (1872—1888). 12
40. Сын. 12
41. Елизавета (ум. в 193 ?). 13
42. Екатерина (ум. в 193 ?). 13
43. Владимир Рождественский. 13
44. Петр Рождественский. 13
45. Владимир Стеклов (1863—1926) — математик, академик. Его жена — Ольга Николаевна Дракина (1868—1920). 14
46. Вера (род. 1867). Ее муж — Арсений Николаевич Сиземский (род. 1864). 14
47. Надежда (род. 1868). 14
48. Зинаида (род. 1871). 14
49. Ксения (род. 1910-е гг. ?). 25
50. Ольга. 25
51. Ирина (род. 1908) — химик, педагог. Ее муж — Бережной (1896—1953). 26
52. Александр Рюриков — партийный работник в г. Горьком, большевик. 33
53. Борис Рюриков (1878—1902) — студент, участник революционного движения, большевик. 33

54. Юлия (1883—1957) — врач, член РСДРП(б) с 1903 г. Ее фактический муж — писатель Сергей Терентьевич Семенов (1868—1922).	33
55. Антонина Рюрикова (ум. до 1905 г.).	33
56. Николай Рюриков (1882—1957). Его первая жена — Зинаида Ивановна, вторая — Анна Амфилохиевна.	33
57. Александр Рюриков (1892—1980) — заслуженный врач РСФСР. Его первая жена — Мария Тимофеевна Нартова (1892—1926), вторая — Евгения Федоровна Баторина (1891—1982).	34

6-е колено

58. Сын — Порфирьев.	36
59. Татьяна (1891—1984).	36
60. Юрий Порфирьев (1898—1947 или 1948).	36
61. Лидия.	44
62. Наталья (род. 1900). Ее муж — Николай Павлович Аносов (1900—1962), дирижер.	44
63. Татьяна.	44
64. Геннадий Рождественский.	44
65. Александр Рождественский.	44
66. Галина.	44
67. Виктор Рождественский (ум. в 1970 г.).	44
68. Ольга (1891 (?)—1901).	45
69. Александра.	51
70. Лидия (1908 (?))—до 1917 г.).	54
71. Борис Рюриков (1909—1969) — критик, партийный работник. Его жена — Мария Антоновна Прокопович — артистка.	54
72. Зоя. От первого брака.	56
73. Александр Рюриков (род. 1917). От первого брака. Инженер. Его жена — Валентина Федоровна Будька (род. 1923 г.)	57
74. Геннадий Рождественский (род. 1931 г.) — дирижер.	62

И. М. БОБОВИЧ

**ЗЕМСКИЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО
ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

Специальные статистические обследования сельского хозяйства в виде сельскохозяйственных переписей, охватывающих всю страну и учитывающих все ее земельные хозяйства, начали проводиться в России только в годы первой мировой войны. Для изучения экономического и социального развития крестьянской деревни более раннего, пореформенного периода одним из основных источников являются материалы земской статистики. Соответствующая группировка погубернских и поуездных данных о крестьянском хозяйствовании, отсутствовавшая в самих земских публикациях, позволяет проследить переход крестьянского сельскохозяйственного производства от натурального к товарному,